

Ж.В. Ганиев**Иронично о детской драме:
М.Е. Салтыков-Щедрин как ритор —
убежденный сторонник буквы
немилосердного закона**

Извечный конфликт между совестью и законом (его несовершенством, лакунами в законодательстве) продемонстрировал резонансный судебный процесс, состоявшийся в Санкт-Петербурге в 1876 г. Замечательные отклики Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина на процесс ввел в риторический научный оборот В.В. Виноградов в 1930 г.

Ключевые слова: риторический анализ; ирония; риторический прием; языковое оформление.

Почти 40 лет спустя после написания книги «О художественной прозе» В.В. Виноградов коротко рассказал о самом важном в ее части «Поэтика и риторика»: Ф.М. Достоевский написал художественную статью по поводу речи В.Д. Спасовича на нашумевшем судебном процессе, «Салтыков-Щедрин тоже отозвался на это, но каждый со своей точки зрения» [8: с. 268–269]. Отношение Достоевского к маленькой девочке, ее драме и его оценка юридической и человеческой позиции Спасовича на процессе известны (см., напр.: [7; 9; 10] и др.). «Своя точка зрения» на это у М.Е. Салтыкова-Щедрина в «литературном трактате», как определил Виноградов жанр его публикации (гл. V «Недоконченных бесед»), обернулась в целом отсутствием христианского милосердия по отношению к жертве истязания и явной поддержкой адвокатского мастерства В.Д. Спасовича, который защищал отца-мучителя. Несмотря на мастерское изложение своей позиции, отклик Салтыкова-Щедрина в русском обществе оценивается как риторическая неудача, и причина такой оценки в отсутствии у него должной морально-этической оценки поступка. В отличие от истинно верующего христианина Ф.М. Достоевского, Салтыков-Щедрин проявил здесь себя как атеист. В Евангелии от Луки, ссылаясь на милосердие Господне и обращаясь к апостолам, Иисус говорит: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так

и вы поступайте с ними» [1, Лк, 6: 36, 31]. Такое учение рассматривается в риторике как топос [14: с. 381–382]. Аргументом к этосу («нравам») в риторической оценке произведений Достоевского и Салтыкова-Щедрина служит сложившееся к середине 70-х гг. XIX в. мнение читающей публики о значимости их творчества, а по текстам двух произведений 1876 г. аргументом к этосу является диаметральный разрыв в отношении к случившемуся [13: с. 142–156].

Из всей гаммы чувств, которые может вызвать это судебное дело, у Щедрина осталась только ирония [11; 14: с. 227–229; 12]. Изучение этого очерка-трактата убеждает, что его автор, имея в виду профессиональные интересы юристов, не приемлет христианских заповедей о соотношении права, с одной стороны, и любви, милости и справедливости — с другой.

О В.Д. Спасовиче как виднейшем юристе того времени, пренебрегшем, с нашей точки зрения, чувством милосердия к нещадно избитой малышке, Щедрин пишет следующее: «Независимо от талантности, это самый солидный и дельный из ныне действующих адвокатов. <...> В его глазах преступление не имеет в себе ничего чудовищного, изумляющего <...>. Он знает законы со всеми продолжениями и дополнениями, умеет толковать их и всегда хранит про запас кассационный повод. <...> Сверх того, судя по репутации, г. Спасович принадлежит к числу адвокатов, не обуреваемых жаждой легкого и быстрого стяжания, что еще больше влечет к нему сердца подсудимых» (курсив мой. — Ж. Г.) [3: с. 216]. Сказанное напоследок немаловажно для клиентов: это значит, что Спасович не требует заоблачных гонораров.

Об истязаемой девочке Салтыков-Щедрин пишет в той же отстраненной и ядовито-иронической манере, как и обо всем судебном процессе. Вот как характеризует эту манеру В.В. Виноградов: «Изложение процесса ведется протокольным стилем, имеет форму строго логического, официального отчета. Но приемы иронического освещения распространены на все детали происшествия. Путем каламбурного переосмысления антитезы в выражении: “женщина не блестящая, но полезная” — сокрушен образ девочки: “задавшись мыслью сделать из своей... дочери “женщину не блестящую, но полезную”, молодой отец с огорчением заметил, что в ребенке уже укоренились некоторые дурные привычки, при существовании которых женщина хотя и может быть блестящею (в благонамеренном мире кокоток), но ни в коем случае не имеет права на звание полезной”» (привлеченные В.В. Виноградовым характеристики из статьи Салтыкова-Щедрина и речи Спасовича [4] нами выделены курсивом. — Ж. Г.) [7: с. 169]. Аргументы к пафосу («страсти») в сопоставляемых произведениях Достоевского и Щедрина — их авторские чувства и эмпатия как постижение читателем эмоционального состояния автора в форме сопереживания: читатель «проживает» те же эмоциональные состояния, которые испытывают авторы (на основе отождествления с ними).

Ни в книге 1930 г., ни в воспоминаниях конца 1960-х гг. В.В. Виноградов не касался биографических причин кардинальных расхождений со стороны двух классиков в оценке речи и позиции Спасовича. А между тем в очерке

Достоевского содержится настоящий панегирик в адрес института семьи; к этому времени он уже был женат около 10 лет на Анне Григорьевне. Супруга Достоевского сочувствовала ему и понимала его как никто другой, была помощницей в его начинаниях и родила ему детей, в которых Федор Михайлович души не чаял. Всего этого был лишен Михаил Евграфович: во-первых, его жене Елизавете Аполлоновне с годами опостылел «Мишель» и его «глупости» — литературные труды, непонятные ей и не ценимые ею; во-вторых, Михаил Евграфович в быту безжалостно высмеивал свою супругу с ее манерничаньем и капризами. Вдобавок М.Е. Салтыков-Щедрин был недоволен своими детьми. Это было то, что он называл в доверительной переписке «адом семейной жизни». Отсюда огромная разница у Достоевского и Салтыкова-Щедрина в оценке драмы, вынесенной на суд. Салтыков-Щедрин даже не упоминает понятия *святыня семьи*, софистически поднятого в речи Спасовича, чтобы спасти от тюремного заключения Кронеберга; это понятие, как и его связь с благополучием государства, в полемическом, истинном ключе разъяснил через месяц после Спасовича (но до появления статьи Щедрина) именно Достоевский [2: с. 50–73].

При чтении очерка М.Е. Салтыкова-Щедрина становится ясно, что он был знаком со многими откликами на судебный процесс, хотя их и не упоминает: со статьями Г.К. Градовского, с фельетоном А.С. Суворина и с очерком Ф.М. Достоевского. Полемическим ответом на эти отклики послужила трактовка Салтыковым-Щедриним проблемы взаимоотношений адвокатуры и литературы. «Антитеза литературы и адвокатуры — на фоне проблемы телесных воздействий и компромисса — является стержнем всего литературного трактата», — определил эту тему у Щедрина В.В. Виноградов [7: с. 169]. Но после судебной реформы 1864 г., когда в России был введен принцип состязательности судебного процесса, противостояние адвокатуры и литературы состоялось не сразу. Щедрин *иронически* отмечает: «Адвокатура наша поначалу довольно горячо заявила о своей солидарности с вопросами жизни и потому весьма естественно встретила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствие. Но, симпатизируя защитнику вдовы и сироты, литература, как старшая сестра в либерализме, *до того простерла свое усердие, что, подвергая действия адвокатов неусыпному контролю, заявила претензию держать это сословие в постоянной опеке.* <...> Такое отношение литературы едва ли может быть названо правильным» [3: с. 226].

Другими словами, по Салтыкову-Щедрину, литература и периодическая печать воздействуют на публику, опираясь на мораль (понимание добра и зла) и знание человеческих эмоций, но адвокатуру (шире — юриспруденцию) должно интересовать лишь соответствие судебного казуса закону в широком понимании этих понятий. «У нас ремесленное значение адвокатуры, по-настоящему, должно бы выказаться еще резче, потому что наши адвокаты <...> не имеют никакого отношения к политической жизни государства. Не вопросы жизни стоят для них на первом плане, а вопросы, истекающие из свода

законов и из кассационной судебной практики. Ловкое обращение с статьями законов — вот что имеется прежде всего в виду... <...> Наша печать долгое время не решалась принять этого взгляда, но в последнее время сама адвокатура решилась заявить, что он (этот взгляд. — Ж. Г.) представляет единственное правильное мерило, с которым можно относиться к ней (т. е. к адвокату-ре. — Ж. Г.). <...> Помнится, г. Спасович <...> первый поднял знамя бунта, сказавши на каком-то обеде, что адвокатура должна шествовать своим путем, независимо от внушений и контроля печати. За ним последовал и г. Потехин, который без церемонии обвинил русскую литературу в идиотстве» [3: с. 227–228].

Поэтому, по Салтыкову-Щедрину, неправы те, кто ждет от адвоката морально-этических оценок случившегося в 1876 г., и как бы ни была несчастна избитая крошка, главное в суде — юридическое соответствие явления имеющимся законоположениям. То есть мы видим у Щедрина неприкрытую риторическую полемику с пафосом очерка Достоевского и других публикаций, авторы которых придерживались сходных с Достоевским взглядов на процесс против Кронеберга.

М.Е. Салтыков-Щедрин развивает свою мысль о разнице целей у литературы и адвокатуры: ведь «и объект действия, и характер его — все разное. Литература служит обществу, адвокатура — клиенту; честность литературы состоит в разработке идеалов и перспектив будущего, честность адвокатуры — в строгом согласии с действительностью и подчинении идеалам, выработанным в прошедшем и вверенным охране положительного закона». Щедрин пытается успокоить своих оппонентов: адвокатура скоро «переменит господина и вместо литературы приобретет себе такового в лице клиента, который до сих пор сдерживал свои инстинкты именно благодаря тому, что думал, будто адвокатура и печать солидарны друг с другом» [3: с. 227–228].

Теперь, когда Щедриним открыто заявлено о критериях морально-этических и профессиональных «доблестей» адвокатуры, посмотрим, какие же еще положительные в этом смысле качества находит классик в фигуре Спасовича (в дополнение к упомянутой выше характеристике, «выданной» ему автором «литературного трактата»). Спасович, по Щедрину, это широко известный *vir bonus, dicendi peritus*¹ («муж добрый, искусный оратор»). О его роли в процессе писатель говорит: «Не удивительно даже и то, что в таком деле фигурировал г. Спасович, а не адвокат чувствительной школы <...>. Ведь г. Спасович, помнится, уже заявил однажды, что адвокатская деятельность должна не посторонними какими-либо соображениями руководствоваться, но преследовать лишь те чисто художественно-юридические цели, которые непосредственно вытекают из свода законов и кассационной судебной практики...». Деятельность адвоката называется солидно-деловой, изъятая «от всяких мечтательностей» [3: с. 220, 221, 225].

¹ Крылатое выражение принадлежит Катону Старшему и приведено Квинтилианом в трактате о воспитании оратора.

У Щедрина читаем: «Господин Спасович бесподобно воспользовался неопределенным характером матерьяла, добытого на судебном следствии», и сумел удовлетворительно объяснить происхождение повреждений и следов («знаков») на лице, на руках, ногах и на задних частях тела несчастной девочки. Один из вопросов Спасовича, обращенных к судебно-медицинскому эксперту: *«Нашел ли он на теле прорезы кожи или только пятна и полосы»*, — Салтыков-Щедрин предлагал «вырезать золотыми буквами на мраморной доске и повесить последнюю в зале заседаний совета присяжных поверенных» [3: с. 215]. Это потому, что закон считал нанесенные прорезы на коже уголовно наказуемыми, а синяки и полосы — следы от побоев — нет. Вывод писателя по этому вопросу на основе защитительной речи адвоката: «Итак, о происхождении знаков на лице нельзя сказать ничего верного; что же касается до сечения, то хотя оно и производилось, но при посредстве совсем “маленьких веток”, за исключением лишь одного раза, когда употреблены были в дело спицрутены, срезанные за несколько дней до наказания, но без ясно сознанного намерения употребить их в дело. Можно ли назвать тяжким это единокрatное наказание, не сопровождавшееся даже прорезами кожи? — ответ на это дает кассационная судебная практика, из которой до очевидности ясно, что в настоящем случае самое возбуждение подобного вопроса представляется немислимым» [3: с. 218; см. также: с. 213, 215–217].

Следующий «успех» речи Спасовича — он оправдал жуткую экзекуцию, когда Кронеберг (согласно материалам дела) «сек долго, вне себя, бессознательно, как попало», в результате чего даже спицрутены не выдержали, сломались. Салтыков-Щедрин на основе речи Спасовича формулирует вопрос и дает на него ответ: «Была ли достаточная причина для употребления меры домашнего исправления в тех увеличенных размерах, которые допущены были при том единокрatном наказании, когда г. Кронеберг употребил спицрутены? Само собою разумеется, что была» [3: с. 218]. Щедрин считает причину побоев оправданной. Заметим в риторическом вопросе эвфемистическую замену слова **истязание* сочетанием *меры домашнего исправления в увеличенных размерах, причем настойчиво утверждается, что это было единокрatным наказанием*, во что, зная показания прислуги на даче и девицы Жезинг (они упомянуты в очерке Достоевского), трудно поверить. Еще одно достоинство, по Салтыкову-Щедрину: Спасович на процессе не окончательного растоптал девочку, т. е. не использовал показания доктора Сусловой (которая «не усомнилась выдать ей [ребенку] аттестат на всю жизнь») о физиологических пороках ребенка (гуманный Спасович как бы остановился «перед мыслью, что девочке предстоит еще долгое поприще жизни»). Это разумное решение, «нужно отдать справедливость чистоплотности г. Спасовича», ведь «девочка имеет много других пороков, которые требуют педагогического воздействия» [3: с. 218, 214].

По поводу «сильных слов» Спасовича по обвинению неразумного дитяти в том, «что от чернослива до сахара, от сахара до денег, от денег до банковых

билетов — путь прямой, открытая дорога», щедринский комментарий такой: «Высказывать их в защитительной речи, обращенной к присяжным заседателям, все-таки недурно. Хорошо поразить воображение присяжного, сказав: вот девочка, которая была на пути к банковым билетам, но г. Кронеберг ее остановил!» [3: с. 219]. Значит, какие бы это ни были *вздор и галиматья, отдающие ребяческой несостоятельностью и старческим бессилием* у Спасовича (оценки самого Салтыкова-Щедрина), такие обвинения, по его мнению, нужны были, и они были предъявлены в суде для достижения оправдательного вердикта, имея в виду состав коллегии присяжных. И тут истина принесена в жертву обстоятельствам, которыми воспользовался адвокат: «Г. Спасович очень хорошо знает, что существуют аудитории, в среде которых подобные перспективы пользуются силою почти неотразимую, и куда эти аудитории будут существовать, до тех пор и он будет рисовать свои перспективы в интересах подсудимых, которые прибегнут к его адвокатской помощи. Из всего изложенного выше оказывается, что г. Кронеберг отнюдь не истязатель, а только плохой педагог. <...> Плохой педагог, неосторожный судья — и больше ничего. <...> Одним словом, как адвокат, г. Спасович исполнил свое дело вполне исправно. <...> С своей стороны, и присяжные отнеслись к его усилиям с полным доверием и вынесли г. Кронебергу оправдательный вердикт» [3: с. 219–220].

В «Недоконченных беседах» Щедрина содержится совет Спасовичу, как надо было бы построить защитительную речь, чтобы избежать противоречий (сравните с этим совет или мнение Достоевского, полное душевной боли). Спасович, по мнению Щедрина, якобы должен был бы сказать буквально следующее, причем невероятно коротко — намного короче, чем получилась у адвоката его судебная речь: «Речь г. Спасовича не утратила бы своей ценности и не сделалась бы менее убедительною, если б он, не выгораживая своей личности от подозрений в солидарности с пощечинами, выразил прямо и просто, чего он требует от присяжных заседателей. Скомпонованная таким образом речь могла бы иметь приблизительно следующий вид: “<...> На скамье подсудимых находится г. Кронеберг, который обвиняется в истязании своей дочери. Для того чтобы вы могли судить правильно, действительно ли г. Кронеберг виноват в том преступлении, за которое он преследуется <...>, необходимо разрешить три вопроса: 1) имел ли г. Кронеберг право подвергать свою дочь телесному наказанию? — ответом на этот вопрос служит такая-то статья свода законов, которая вполне это право за ним подтверждает; 2) подавала ли Мария Кронеберг повод для педагогических воздействий на теле? — на это служит ответом энергическое показание доктора Сусловой, и 3) можно ли назвать употребленные г. Кронебергом педагогические приемы истязанием? — на это даст вам ответ, во-первых, кассационная судебная практика и, во-вторых, достаточно удовлетворительный вид, который представляли ягодицы Марии Кронеберг при освидетельствовании”» [3: с. 225–226].

Перед нами совет более опытного юриста, каким образом можно было изначально избежать общественного скандала, который развился, возникнув на судебном процессе. В комментарии есть и ирония, и сарказм как субъективная модальность (оценка отношений между участниками судебного процесса, экстраполированных на общую обстановку произвола и бессовестности в обществе). По поводу места в речи Спасовича, где он оправдывает телесные наказания детей, «предотвращающие» их будущие преступления, Щедрин замечает: «Слова сильные, но неосновательные, свойственные тем остервенелым педагогам, которым до того опостылело воспитательное ремесло, что они в каждом воспитываемом готовы усматривать будущего злодея» [3: с. 219]. Что ж, в щедринской оценке много пейоративной экспрессии, даже больше, чем у Достоевского.

В литературном трактате ирония выражена, как и в других произведениях Щедрина, через эвфемистические синонимы (*педагогические воздействия* вм. *побои; *энергическое показание* вм. *бестактное, грубое показание; *достаточно удовлетворительный вид* вм. *вид почти заживших ран после нанесенных побоев; ср. с этим иносказательное щедринское ироническое *аплодисменты* из другого произведения классика в значении ‘пощечины и зуботычины’ в «разговоре» полицейского пристава с крестьянином). Выражение сарказма видится также в словообразовательных приставочно-суффиксальных окказионализмах трактата: вполне *беспощечинные* отношения родителей к детям, идеал *беспощечинности*, возможность каких-то *беспощечинных* педагогических идеалов, возможность существования беспощечинной педагогики (приставка *бес-*, суффиксы *-н-*, *-ость*).

Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин считали состояние морали у адвокатуры безнадежным. Однако душевным страданиям Достоевского, вызванным драматическим противоречием между совестью и законом, в очерке Щедрина противостоит представление об адвокате как «золотаре» (кстати, в очерке не нашлось места для слова *совесть* [2]).

В целом процесс Кронеберга для Салтыкова-Щедрина — это очередной уголовный скандал, который вызвал оживление в печати. Поражает щедринское ироническое заявление: «Жаль, что подсудимый сам сознался в пощечинах, а не будь этого сознания, не было бы и пощечин, так как нет на лице синих и сине-багровых пятен». Подходя по-деловому к фактам уголовного дела, Щедрин уверен во всех своих оценках. Прагматические соображения сменяются у него саркастическим замечанием. Отражая всю гнусность атмосферы суда, писатель иронически-мечтательно, как бы от лица мучителей, восклицает: «Вот кабы найти такой способ, чтобы можно было наказывать сильно и больно, а следов бы не оставалось!» [3: с. 217, 219].

Такого типа анализ текстов как обучающий этап в курсе риторики содержит колоссальный воспитательный ресурс, не считая предметного обучения в речевом оформлении аргументирующей речи [5: с. 69–77].

Библиографический список

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. М.: Изд-е Московской патриархии, 1990.
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1876. Февраль. Гл. 2; Дневник писателя. 1876. Подготовительные материалы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 50–73; 137–166.
3. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Недоконченные беседы. Гл. V. Отрезанный ломоть // Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1973. Т. 15. Кн. 2. С. 212–228.
4. *Спасович В.Д.* Дело о банкире К., обвинявшемся в истязании своей семилетней дочери // Сочинения В.Д. Спасовича. Т. VI. Судебные речи (1875–1882). СПб.: Книжн. маг-н бр. Рымович, 1894. С. 49–71.

Литература

5. *Абрашина Е.Н.* Система заданий и упражнений по обучению риторике в вузах // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2012. № 1 (8). С. 69–77.
6. *Бочкарев А.Е.* К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1 (21). С. 41–53.
7. *Виноградов В.В.* Избр. работы. О языке худож. прозы. М.: Наука, 1980. С. 56–175.
8. *Виноградов В.В.* Из истории изучения поэтики (20-е годы) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 34. 1975. № 3. С. 259–272.
9. *Ганиев Ж.В.* Аргументы к этосу и пафосу у Достоевского-журналиста // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. VIII. Вильнюс: ЛЭУ, 2013. С. 152–160.
10. *Ганиев Ж.В.* Ф.М. Достоевский в защиту дитяти, против горгианской риторики (по «Дневнику писателя» за 1876 г.) // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. «XII Виноградовские чтения». Т. III. М.: МГПУ, 2012. С. 76–80.
11. *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. 204 с.
12. *Строганов М.В.* Два фельетониста: Салтыков и Слепцов (ч. 1) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 18–26.
13. *Хазазеров Г.Г., Лобанов И.В.* Риторика. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 384 с.

Справочные и информационные издания

14. Культура русской речи: энциклопедич. словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

References

Istochniki

1. Bibliya. Knigi Svyashhennogo Pisaniya Vetxogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. S parallel'ny'mi mestami. M.: Izd-e Moskovskoj patriarxii, 1990.
2. *Dostoevskij F.M.* Dnevnik pisatelya. Ezhemesyachnoe izdanie. 1876. Fevral'. Gl. 2; Dnevnik pisatelya, 1876. Podgotovitel'ny'e materialy' // Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. L.: Nauka, 1981. T. 22. S. 50–73; 137–166.

3. *Salty'kov-Shhedrin M.E.* Nedokonchenny'e besedy'. Gl. V. Otrezanny'j lomot' // *Salty'kov-Shhedrin M.E.* Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 15. Kn. 2. M.: Xud. lit., 1973. S. 212–228.

4. *Spasovich V.D.* Delo o bankire K., obvinjavshemsya v istyazanii svoej semiletnej docheri // *Sochineniya V.D. Spasovicha.* T. VI. Sudebny'e rechi (1875–1882). SPb.: Knizn. mag-n br. Ry'movich, 1894. S.49–71.

Literatura

5. *Abrashina E.N.* Sistema zadaniy po obucheniyu ritorike v vuzax // *Vestnik MGPU.* Ser. «Filologicheskoye obrazovanie». 2012. № 1 (8). S. 69–77.

6. *Bochkaryov A.E.* K opredeleniyu koncepta «sovest'» v russkoj yazy'kovoj kartine mira // *Vestnik MGPU.* Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 1 (21). S. 41–53.

7. *Vinogradov V.V.* Iz istorii izucheniya poe'tiki (20-e gody'). *Izv. AN SSSR.* Ser. lit-ry' i yazy'ka. T. 34. 1975. № 3. S. 259–272.

8. *Vinogradov V.V.* Izbr. raboty'. O yazy'ke xudozh. prozy'. M.: Nauka, 1980. S. 56–175.

9. *Ganiev Zh.V.* Argumenty' k e'tosu i pafosu u Dostoevskogo-zhurnalista // *Rusistika i komparativistika: sb. nuch. statej. Vy'p. VIII.* Vilnyus: LEU, 2013. S. 152–160.

10. *Ganiev Zh.V.* F.M. Dostoevskij v zashhitu dityati, protiv gorgianskoj ritoriki (po «Dnevniku pisatelya» za 1876 g.) // *Tekst, kontekst, intertekst: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. «XII Vinogradovskie chteniya».* T. III. M.: MGPU, 2012. S. 76–80.

11. *Ermakova O.P.* Ironiya i eyo rol' v zhizni yazy'ka. Kaluga: KGPU im. K.E. Ciolkovskogo, 2005. 204 s.

12. *Stroganov M.V.* Dva fel'etonista: Salty'kov i Slepzcov (ch. 1) // *Vestnik MGPU.* Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3 (23). S. 18–26.

13. *Xazagerov G.G., Lobanov I.V.* Ritorika. Rostov n/D: Feniks, 2004. 384 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. *Kultura russkoj rechi: e'nciklopedich. slovar'-spravochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva i dr.* M.: Flinta: Nauka, 2003. 840 s.

15. *Stilisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazy'ka / pod red. M.N. Kozhinoj.* M.: Flinta: Nauka, 2003. 696 s.

Zh.V. Ganiev

Ironically about Children's Drama: M.E. Saltykov-Shchedrin as a Rhetorician — a Staunch Supporter of the Letter of Merciless Law

The eternal conflict between conscience and law (its shortcomings and lacunae in legislation) was demonstrated in the celebrated trial, held in St. Petersburg in 1876. In 1930, V.V. Vinogradov introduced the noted comments of Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin on the process into the scientific rhetoric circulation.

Keywords: rhetorical analysis; irony; rhetorical technique; linguistic arrangement.